

Михаил ЛУКЬЯНОВ

САМОДЕРЖАВИЕ ИЛИ САМОДЕРЖЕЦ: НИКОЛАЙ II ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ПРАВЫХ

Российские правые, безоговорочно поддерживая самодержавие как принцип, критически оценивали Николая II как самодержца. Они отмечали его непоследовательность, нерешительность, неспособность в полной мере использовать свою власть. Разочарование правых в монархе стало важнейшей причиной их политической пассивности в феврале–марте 1917 г. The Russian rightists, unconditionally supporting of the autocracy as principle, demonstrated highly critical attitude to Nicholas II. They noted his inconsistency, indecision, inability to use his power. Disappointment of rightists in the monarch became the most important cause of its political passivity in February and March of 1917.

Ключевые слова:

правые, самодержавие, революция, политические реформы; rightists, autocracy, revolution, political reforms.

Самодержавие всегда рассматривалось правыми как единственная форма организации власти, адекватная российским условиям. Но это отнюдь не предполагало безоговорочной лояльности государю, независимо от предпринимаемых им или от его имени действий. В XIX – начале XX вв. российским монархам неоднократно приходилось сталкиваться с оппозицией справа, если реформы, вознесенные с высоты престола, казались угрозой устоявшемуся порядку.

Говоря о государственном строе России в 1906–1917 гг., правые постоянно использовали термин «самодержавие» и производные от него. Несмотря на очевидное сокращение объемов властных полномочий государя в новой редакции Основных законов 23 апреля 1906 г., правые публицисты по-прежнему считали царя самодержцем¹. На неограниченности царской власти настаивали и редактор петербургского «Гражданина» В.П. Мещерский, и руководитель «Московских ведомостей» В.А. Грингмут².

Император сохранял ту же власть, что и до реформы, не только с точки зрения заведомо пристрастных политических журналистов, но и профессионального специалиста в области государственного права, профессора Новороссийского университета П.Е. Казанского – крупнейшего русского консервативного государствоведа³.

Аналогичным образом рассуждали правые политики. Согласно одному из лидеров правой фракции Н.Е. Маркову, законодательные новации не привели к ограничению императорской власти: просто изменился порядок ее действия. Речь шла лишь о «новом пути» осуществления самодержавной царской власти, когда «Самодержец Всероссийский лишил свое Правительство права подносить на Его утверждение законы, не прошедшие через Государственную Думу»⁴.

Вместе с тем правые признавали, что в новом законодательстве о власти присутствовали и элементы, явно противоречившие идее самодержавия. Главным из них обычно считалось законодательное представительство. Положение о несовместимости последовательно проведенных самодержавного и представительного начал заняло

ЛУКЬЯНОВ

Михаил

Николаевич –

д.и.н., профессор;

доцент кафедры

новейшей истории

России Пермского

государственного

университета

loukm41@yahoo.com

¹ Дневники // Гражданин, № 83, 1907, с. 12.

² Грингмут В.А. С нами Бог! С нами Царь! // В.А. Грингмут. Собрание статей. – М.: Университетская типография, 1910, вып. 4, с. 360.

³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. – Одесса: Техник, 1913, с. 135.

⁴ Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия II. Ч. 2. – СПб.: Государственная типография, 1909, стб. 2353–2354.

заметное место в правом дискурсе. Многочисленные программы политических преобразований, предполагавшие слом «обновленного» строя справа, конечной целью своей имели установление монархической власти или вовсе без представительных учреждений, или наделив последних только законосовещательными функциями.

В роли главного действующего лица в устранении или радикальной реформе реально существовавших представительных учреждений правые видели самого государя. Освятивший представительство своим авторитетом, он сохранял право изменить его конструкцию, а то и вовсе его ликвидировать, считал правый публицист С.Ф. Шарапов¹. Аналогичным образом рассуждали и его астраханские союзники — журналист «Русского знамени» Н.И. Еремченко (Н. Полтавец) и Л.А. Тихомиров².

Высказывания самого монарха не могли не питать такого рода надежды. Согласившись в разгар революции на создание представительных институтов, Николай II неоднократно давал понять, что его творения должны поведением своим оправдывать оказанное им доверие. Одобрение царем избирательного закона 3 июня 1907 г., представлявшего собой прямое нарушение Манифеста 17 октября, наглядно свидетельствовало о его нежелании считать себя скованным новыми правилами политической игры. По мнению Р. Уортмана, царь, восхищавшийся Алексеем Михайловичем, надеялся, что ему, подобно предку, удастся «восстановить абсолютную монархию после периода анархии и распада»³.

Однако пойти на политическую контрреформу по собственной инициативе царь не решался. Даже такие ограниченные меры, как разгон II Государственной думы и принятие нового избирательного закона, едва ли состоялись бы без мощного про-

пагандистского давления правых организаций и средств массовой информации. К тому же этот результат был достигнут в условиях заметного падения политической активности левых элементов и роста влияния правых, численность которых к концу 1907 — началу 1908 г. достигла 400 тыс. чел.⁴ Еще раз повторить июньский успех 1907 г. правые не смогли. В 1913 г. они предприняли новую попытку добиться пересмотра думского законодательства и ограничения думских полномочий. Но царь, хотя и подписал указ о роспуске Думы без назначения срока созыва следующей, в действие разработанные меры так и не ввел⁵.

Все это разочаровывало правых. Открыто обсуждать достоинства и недостатки действующего монарха они не могли, однако материалы дневников и частной переписки, как опубликованные, так и архивные, дают вполне основательный материал для суждений на этот счет.

Монархисты подчеркивали, что монархические убеждения сами по себе не налагали обязательства во всем соглашаться с монархом. «Мы подчиняемся во всем воле Самодержавного Государя, мы признаем все, что от нее исходит... Но мы верноподданные, а не рабы, — говорил Пасхалов. — Никакое верноподданничество не обязывает нас восстагать мероприятиями, которые мы считаем ошибочными. Как ни велико наше почтение к царскому сану, но все-таки Царь не Бог и может ошибаться...»⁶ Марков ставил под сомнение царские обещания: «...даже Его Императорское Величество есть человек и может изменить свое мнение, поэтому нам необходимо не успокаиваться на тех обещаниях, на рискованных надеждах, которые мы имеем»⁷.

Приведенные публичные высказывания

⁴ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. — М.: РОССПЭН, 2001, с. 82.

⁵ Подробнее о попытках превращения Думы в законосовещательное учреждение в 1913 г. см.: Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. — М.: Наука, 1981, с. 114–117; Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / отв. ред. В.С. Дякин. — Л.: Наука, 1984, с. 518–519; 526–527; Археографический ежегодник за 1987 год. — М.: Наука, 1988, с. 309–312; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьиюньской системы. — Л.: Наука, 1988, с. 158–162.

⁶ Цит по: Свидетель, № 8, 1907, с. 77–78.

⁷ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. — СПб.: Типография М.А. Александрова, 1909, с. 116.

¹ Шарапов С.Ф. Самодержавие или конституция? (Первые шаги 3-й «Думы солидной бестолочи»). — М.: Свидетель, 1908, с. 16.

² См.: Переписка и другие документы правых (1911–1913 годы) // Вопросы истории, № 11–12, 1999, с. 109; Полтавец Н. Дума и Народ. — СПб.: Отецественная типография, 1912, с. 2; Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. — М.: Типография В.М. Саблина, 1912, с. 256.

³ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т.2. От Александра II до отречения Николая II. — М.: ОГИ, 2004, с. 711.

были совершенно абстрактны; они лишь констатировали, что царю как человеку ничто человеческое не чуждо, но не задевали его лично. Зато в материалах частного характера присутствовало множество резких, оскорбительных высказываний в адрес царя, свидетельствовавших о негативном отношении к Николаю II.

Правые отмечали невозможность положиться на государя. «...Всякий чувствует, что все, что обещано царем, непрочное, что на него надеяться нельзя», — записывала в дневник хозяйка влиятельного консервативного салона А.В. Богданович¹. «Государь... до такой степени шаток, что на него нельзя рассчитывать. На себе я это испытывал не раз...» — замечал часто общавшийся с царем А.А. Киреев². Тихомиров укорял государя за слабование и чуть ли не трусость³. Его нерешительность и неспособность прямо объявить свою волю собеседнику отмечал А.Д. Самарин⁴. На царскую неблагодарность жаловался Пасхалов⁵. Как «человека... постоянно хитрящего» характеризовал царя активный участник правого движения, сын знаменитого славянофила Д.А. Хомяков⁶.

Недовольство личными качествами государя дополнялось недовольством его окружением. В первую очередь это относилось к Г.Е. Распутину. Видный крайне правый деятель Б.В. Никольский считал его убийство необходимым условием реализации своих политических планов: «Положительно необходимо хирургическое устранение Распутина. Другого исхода нет»⁷. Крайне негативно относились к

царскому фавориту члены влиятельного клана Самариных, один из представителей которого из-за конфликта с ним был уволен с поста обер-прокурора⁸. По свидетельству В.Ф. Джунковского, «в самых консервативных кругах... находили, что было бы великим счастьем, если бы Распутин не стало»⁹.

Ненавистники «старца» указывали, что тот компрометирует царскую семью и династию в целом, подрывает престиж монархической власти среди населения. О «чудовищной молве» об императорской семье писал Никольский¹⁰. «...Династические осложнения, о которых в провинции рассказывают, Бог знает, какие мерзости», — поминал в частном письме бывший член Государственной Думы А.С. Вязигин¹¹. В такой ситуации фокусом недовольства многих правых являлась императрица Александра Федоровна¹².

Иногда сомнениям подвергалось даже политическое кредо царя, который казался недостаточно (или, по крайней мере, недостаточно последовательным) правым. «Вообще про царя нашего можно сказать, что он — загадка, сегодня он правый, а что завтра будет, покрыто мраком неизвестности», — писала Богданович¹³. «Его величества под влиянием императора Вильгельма соизволил вернуться в Россию с *довольно правым настроением* (курсив мой. — М.Л.)», — саркастически замечал председатель Постоянного совета объединенного дворянства, член думской фракции правых (позднее — пра-

¹ Богданович А.В. Три последних самодержца : дневник. Запись 3 октября 1907 г. — М.; Л.: Френкель, 1924, стр. 429.

² Дневник А.А. Киреева, запись 22 декабря 1908 г. // ОРРГБ, ф. 126, к. 14, л. 343(об)—344.

³ Из дневника Л.А. Тихомирова, запись 20 июля 1908 г. // Красный архив, 1935, т. 5(72), с. 156; Дневник Л.А. Тихомирова, запись 29 августа 1914 г. (ночь) // ГАРФ, ф. 634, оп. 1, д. 22, л. 201(об). В последнем случае Тихомиров выражал недоумение, почему царь не счел нужным показаться в армии поближе к театру военных действий.

⁴ А.Д. Самарин — С.Д. Самарину, 25 сентября 1915 г. // ОРРГБ, ф. 265, к. 162, ед. хр. 11, л. 1—2(об).

⁵ См.: К.Н. Пасхалов — Н.А. Маклакову, 19 декабря 1915 г. // Там же, л. 2280—2280(об).

⁶ Д.А. Хомяков — К.Н. Пасхалову, 20 января 1916 г. // ГАРФ, ф. 102, оп. 265, л. 1049, л. 135.

⁷ Дневник Б.В. Никольского, запись 28 октября 1913 г. // РГИА, ф. 1006, оп. 1, д. 46, л. 325(об).

⁸ См., например: С.Д. Самарин — С.Д. Самариной, 24 августа 1915 г. // ОРРГБ, ф. 265, к. 160, ед. хр. 4, л. 10(об)—13(об).

⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997, т. 2. с. 335.

¹⁰ См., например материалы записки о Распутине, которую Никольский готовил для Николая II // ГАРФ, ф. 588, оп. 1, д. 1297. О том, что Никольский вполне доверял слухам о «старце», свидетельствуют его дневниковые записки об «эротоманстве» императрицы. См.: Дневник Б.В. Никольского, запись 1 июля 1912 г. // РГИА, ф. 1006, оп. 1, д. 46, л. 254.

¹¹ А.С. Вязигин — М.М. Бородину, 11 января 1913 г. // ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 916, л. 68.

¹² См.: Дневник А.В. Богданович, записи 10 июня 1908 г., 21 ноября 1908 г., 31 августа 1909 г. // Богданович А.В. Указ. соч., с. 447, 454, 466; Дневник А.А. Бобринского, запись 15 января 1911 г. // Красный архив, т. 1(26), 1928, с. 144.

¹³ Дневник А.В. Богданович, запись 3 октября 1907 г. // Богданович А.В. Указ. соч., с. 429.

вой группы Государственного совета) А.А. Бобринский¹.

С царем ассоциировались широко распространенные в правой среде эсхатологические ожидания. «Россия медленно, но неуклонно выходит на банальный общегражданский, конституционный путь. Царство русское кончено при Николае II. А с концом царства русского кончается и союзно церковно-государственный строй. Все это, по-видимому, уже непреложно, бесповоротно», — писал в своем дневнике 21 января 1908 г. Тихомиров². Потерянным для себя временем считал правление Николая II Никольский: «Боже, боже мой, какой ужас жить в царствование Николая II и знать столько, сколько я знаю, и понимать безнадежность будущего еще лет на 12 — 15!»³

Война усугубила эти настроения, добавив в них новые моменты. Некоторых правых смущала недооценка императором националистических настроений в обществе. «Быстро... пополняются ряды высшего Госуд.[арственного] Учрежд.[ения] немцами — не в пику ли это за всеобщее желание исчезновения немцев из ближайшего кольца, стоящего у трона?» — писал по поводу новых назначений в Государственный совет правый дворянский деятель А.К. Варженевский⁴. Как нежелание учитывать общественное мнение интерпретировал А.Д. Самарин факт замены царем великого князя Николая Николаевича на посту верховного главнокомандующего: «Становясь во главе армии Г.[осударь] только усилил говор о немецком засилии. Боюсь, что эта перемена не пройдет даром»⁵. Дополнительным компрометирующим фактором становилось немецкое происхождение императрицы⁶.

Впрочем, во время войны среди правых обнаружили и ее активные поклонники.

¹ Дневник А.А. Бобринского, запись 24 ноября 1910 г. // Красный архив, т. 1(26), 1928, с. 139.

² Красный архив, т. 5(72), 1935, с. 134.

³ Дневник Б.В. Никольского, запись 1 июля 1912 г. // РГИА, ф. 1006, оп. 1, д. 46, л. 254.

⁴ А.К. Варженевский — С.Д. Шереметеву, 26 июня 1915 г. // РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5127, л. 198—198(об).

⁵ А.Д. Самарин — С.Д. Шереметеву, 18 августа 1915 // Там же, л. 174(об).

⁶ На это, в частности, обращал внимание Тихомиров. См.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. Запись 28 января 1917 г. — М.: РОССПЭН, 2008, с. 330.

«Имейте в виду, — писал 14 января 1917 г. руководитель одесского Союза русских людей Н.Н. Родзевич, — что главный оплот Самодержавия теперь ГОСУДАРЫНЯ... Надо обращаться к Ней»⁷. Очевидно, что столь лестная характеристика Александры Федоровны свидетельствовала о недоверии к ее мужу, который автором этих строк как «главный оплот самодержавия» более не воспринимался.

Царь все больше превращался «слабое звено» русского монархизма; личностные характеристики его никоим образом не соответствовали возлагавшимся на него ожиданиям. «Теперь против царя — в смысле полного неведения в него — множество самых обычных “обывателей”, даже тех, которые в 1905 г. были монархистами, правыми...», — констатировал за месяц до свержения монархии Тихомиров⁸. Не переставая быть политическим символом, государь уже не воспринимался как активно действующая политическая фигура. «...Окружить ГОСУДАРЯ и в Царском, и в Ставке только правыми», — советовал провинциальный правый активист Н.Н. Тиханович-Савицкий⁹. Похожим образом рассуждал и Тихомиров, который писал: «Ну, при таком настроении весьма возможна мысль — вырвать его (Николая II. — М.Л.) силой из рук “измены” и дать ему других “помощников”»¹⁰.

Таким образом, реальный носитель монархической власти оказался человеком неспособным ни защитить ее, ни ею распорядиться. Возникла патовая ситуация, созданная ожиданиями самих правых. Они полагали, что царь должен действовать так, как будто обладал самодержавной властью, но как он на самом деле действовать был не способен. Разочаровав правых, Николай II стал в их глазах «ненастоящим» царем, недостойным поддержки. Не приходится удивляться, что в критические дни февраля—марта 1917 г. правые даже не пытались его спасти.

⁷ Н.Н. Родзевич — П.М. Латугиной, 14 января 1917 г. // ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1068, л. 100.

⁸ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. Запись 28 января 1917 г. — М.: РОССПЭН, 2008, с. 331.

⁹ Н.Н. Тиханович-Савицкий — Н.А. Маклакову, 31 января 1917 г. // ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1070, л. 10(об).

¹⁰ См.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. Запись 28 января 1917 г. — М.: РОССПЭН, 2008, с. 331.